

Дарья Донцова

Спят усталые
игрушки

Владельница частного сыска **Даша Васильева**

Москва

Читайте романы
примадонны иронического
детектива

Дарьи
ДОНЦОВОЙ

Сериал «Любительница частного сыска Даша Васильева»:

Крутые наследники	Темное прошлое Конька-Горбунка
За всеми зайцами	Клетчатая зебра
Дама с коготками	Белый конь на принце
Дантисты тоже плачут	Любительница египетской мумии
Эта горькая сладкая месть	Лебединое озеро Ихтиандра
Жена моего мужа	Тормоза для блудного мужа
Несекретные материалы	Мыльная сказка Шахерезады
Контрольный поцелуй	Гений страшной красоты
Бассейн с крокодилами	Шесть соток для Робинзона
Спят усталые игрушки	Пальцы китайским веером
Вынос дела	Медовое путешествие втроем
Хобби гадкого утенка	Приват-танец мисс Марпл
Домик тетушки лжи	Самовар с шампанским
Привидение в кроссовках	Аполлон на миллион
Улыбка 45-го калибра	Сон дядюшки Фрейда
Бенефис мартовской кошки	Штамп на сердце женщины-вам
Полет над гнездом Индюшки	Свидание под мантией
Уха из золотой рыбки	Другая жизнь оборотня
Жаба с кошельком	Ночной клуб на Лысой горе
Гарния с пропеллером	Родословная до седьмого колена
Доллары царя Гороха	Последняя гастроль госпожи Удачи
Камин для Снегурочки	Дневник пакостей Снежинки
Экстрим на сером волке	Годовой абонемент на тот свет
Стилист для снежного человека	Змеинный гаджет
Компот из запретного плода	Царевич с плохим резюме
Небо в рублях	Ошибка мыльного пузыря
Досье на Крошку Че	Пивяк голубых кровей
Ромео с большой дороги	Темные предки светлой детки
Лягушка Баскервилей	Мокрое дело водяного
Личное дело Женщины-кошки	Вакантное место райской птички
Метро до Африки	Аллергия на kota Базиллио
Фейсконтроль на главную роль	Коза и семеро волчат
Третий глаз-алмаз	Кактус второй свежести
Легенда о трех мартышках	Плохая репутация Курочки Рябы

Сериал «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант»:

Маникюр для покойника	Бабочка в гипсе
Покер с акулой	Ночная жизнь моей свекрови
Сволочь ненаглядная	Королева без башни
Гадюка в сиропе	В постели с Кинг-Конгом
Обед у людоеда	Черный список деда Мазаля
Созвездие жадных псов	Костюм Адама для Евы
Канкан на поминках	Добрый доктор Айбандит
Прогноз гадостей на завтра	Огнетушитель Прометея
Хождение под мухой	Белочка во сне и наяву
Фигурный листочек от кутюф	Матрешка в перьях
Камасутра для Микки-Мауса	Маскарад любовных утех
Квазимодо на шпильках	Шуры-муры с призраком
Но-шпа на троих	Корпоратив королевской
Синий мопс счастья	династии
Принцесса на Кириешках	Имидж напрокат
Лампа разыскивает Алладина	Гороскоп птицы Феникс
Любовь-морковь и третий	Пряник с черной икрой
лишний	Пятизвездочный теремок
Безумная кепка Мономаха	Коррида на раздевание
Фигура легкого запатажа	Леди Несоввершенство
Бутик ежовых рукавиц	Гиблое место в ипотеку
Золушка в шоколаде	Большой куш нищей герцогини
Нежный супруг олигарха	Жираф – гроза пингвинов
Фанера Милосская	Вещие сны Храпунцель
Фэн-шуй без тормозов	Хорошие манеры Соловья-разбойника
Шопинг в воздушном замке	Мамаша Бармалей
Брачный контракт кентавра	Девочка Красная Тапочка
Император деревни Гадюкино	Коронная роль Козы-дерезы

Сериал «Виола Тараканова. В мире преступных страстей»:

Черт из табакерки Приданое лохматой обезьяны
Три мешка хитростей Страстная ночь в зоопарке
Чудовище без красавицы Замок храпящей красавицы
Урожай ядовитых ягодок Дьявол носит лапти
Чудеса в кастрюльке Путеводитель по Лукоморью
Скелет из пробирики Фанатка голого короля
Микстура от косоголазия Ночной кошмар Железного
Филе из Золотого Петушка Любовника
Главбух и полцарства в придачу Кнопка управления мужем
Концерт для Колобка Завещание рождественской утки
с оркестром Ужас на крыльях ночи
Фокус-покус от Василисы Магия госпожи Метелицы
Ужасной Три желания женщины-мечты
Любимые забавы папы Карло Вставная челюсть Шелкунчика
Муха в самолете В котлях у сказки
Кекс в большом городе Инкогнито с Бродвея
Билет на ковер-вертолет Закон молодильного яблочка
Монстры из хорошей семьи Гимназия неблагородных девиц
Каникулы в Простофилино Вечный двигатель маразма
Зимнее лето весны Бинобль для всевидящего ока
Хеппи-энд для Дездемоны Блеск и нищета инстаграма
Стриптиз Жар-птицы Милашка на вираже
Муму с акавангом Козлёнок Алёнушка
Горячая любовь снеговика Край непуганых Буратино
Человек-невидимка в стразах Неудачная карьера мегеры
Летучий самозванец Алые паруса Синей бороды
Фея с золотыми зубами

Сериал «Джентльмен сына Иван Подушкин»:

Букет прекрасных дам Смех и грех Ивана-царевича
Бриллиант мутной воды Тайная связь его величества
Инстинкт Бабы-Яги Судьба найдет на сеновале
13 несчастий Геракла Авоська с Алмазным фондом
Али-Баба и сорок разбойниц Коронный номер мистера X
Надувная женщина для Астральное тело холостяка
Казановы Кто в чемодане живет?
Тушканчик в бигудях Блог проказника домового
Рыбка по имени Зайка Гнездо перелетного сфинкса
Две невесты на одно место Венец безбрачия белого кролика
Сафари на черепашку Архитектор пряничного домика
Яблоко Монте-Кристо Особа королевских ролей
Пикник на острове сокровищ Глазастая, ушастая беда
Мачо чужой мечты Иван Грозный на Мальдивах
Верхом на «Титанике» Чучело от первого брака
Ангел на метле Бабулька на горошине
Продюсер козлей морды Корона Мышки-норушки

Сериал «Татьяна Сергеева. Детектив на диете»:

Старуха Кристи – отдыхает! Бабки царя Соломона
Диета для трех поросят Любоное зелье колдуна-болтуна
Инь, янь и всякая дрянь Бермудский треугольник черной вдовы
Микроб без комплексов Вулкан страстей наивной незабудки
Идеальное тело Пятачка Страсти-мордасти рогоносца
Дед Снегур и Морозочка Львиная доля серой мышки
Золотое правило Трехпудовочки Оберег от испанской страсти
Агент 013 Запасной выход из комы
Рваные валенки мадам Помпадур Шоколадное пугало
Дедушка на выданье Мохнатая лапа Герасима
Шекспир курит в сторонке Черная жемчужина раздора
Версаль под хохламу Золотая середина ослика Иа
Всем сестрам по мозгам Лазурный берег болота
Фуа-гра из топора Мадам Белая Поганка
Толстушка под прикрытием Чугунные сапоги-скороходы
Сбылась мечта бегемота Бегемот под майонезом
Курятник в пентхаусе

Сериал «Любимица фортуны Степанида Козлова»:

Развесистая клюква Голливуда Мачеха в хрустальных галашках
Живая вода мертвой царевны Бизнес-план трех богатых
Женихи воскресают по пятницам Голое платье звезды
Клеопатра с парашютом Презентация ящика Пандоры
Дворец со съехавшей крышей Вредная волшебная палочка
Княжна с тараканами Хип-хоп маленьких лебедей
Укротитель Медузы горгоны Дресс-код летучей мыши
Хищный аленький цветочек Дед Яга и его дети
Лунатик исчезает в полночь

Дарья Донцова

Спят усталые
игрушки

Любительница частного сыска **Даша Васильева**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 67

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Донцова, Дарья Аркадьевна.

Д 67 Спят усталые игрушки / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Лучшие детективы Донцовой почти даром!).

ISBN 978-5-04-221740-1

Любительнице частного сыска Даше Васильевой противопоказано выходить из дома — обязательно попадет в какую-нибудь историю... На этот раз она стала свидетельницей того, как из окна выбросилась молодая женщина. Полицию не заинтересовало это событие, но Дарье захотелось узнать причину столь отчаянного поступка. Она принялась разыскивать людей, которые знали самоубийцу. И тут выяснилось, что четверо знакомых погибшей недавно ушли из жизни точно таким же образом. Даша на сто процентов уверена, что таких совпадений не бывает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Донцова Д.А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221740-1

ГЛАВА 1

Март в этом году выдался теплым. Уже к десятому числу сошел снег, а к пятнадцатому из земли полезли первые травинки, одураченные неожиданным солнцем. Москвичи поспешили сбросить надоевшие за зиму шубы, дубленки и тяжелые ботинки на грубой подметке. В городе появились девочки в легких курточках и парни в пальто нараспашку. Все спешили обрадоваться долгожданной весне. Но мы с семьей живем за городом, в поселке Ложкино, и, хотя от Кольцевой автомагистрали нас отделяет всего пять километров, вокруг простирается лес. Сугробы в наших краях только-только начали таять.

Вечером в пятницу, часов примерно около пяти, я как обычно шла вдоль насыпи. Когда мы строили дом, то место выбирали придирчиво. Хотелось жить одновременно и в городе, и в деревне, потому и остановились на Ложкине. Езды отсюда до Тверской пятнадцать минут, отлично отремонтированное шоссе исключает пробки, даже если направляешься в столицу воскресным вечером. Двухэтажное здание окружают ели, огорода не держим, любителей ковыряться на грядках в семье нет. Ближайшие соседи с дружбой не лезут. За несколько лет мы свели знакомство только с банкиром Соломатиным и его семьей. И то лишь потому, что их кот, огромный черный красавец, регулярно приходит с визитом к нашим кошкам — трехцветной Клеопатре и белой Фифине. Получившихся в результате таких посещений котят моя дочь Маша называет «домино». Они и впрямь похожи на костяшки — черные с белыми пятнами.

Первую неделю жизни в Ложкине провели в состо-

нии, близком к эйфории, но скоро поняли: у поселка есть один существенный недостаток. Меньше чем в двух километрах пролегает железная дорога, и шум регулярно пробегающих поездов вначале действовал всем на нервы. Мой сын Аркадий даже заявил:

— Все, продаем дом и строим новый.

Его жена Ольга, впрочем, дома мы предпочитаем звать ее Зайкой, миролюбиво заметила:

— Давайте подождем, вот увидите — скоро привыкнем.

— Вот Анька с Ванькой подрастут и полезут играть на рельсы, — не сдавался супруг.

Но близнецам, моим внукам, только-только исполнился год. Передвигаются они повсюду в сопровождении няни Серафимы Ивановны, перспектива обнаружить детей на шпалах казалась невероятной, и Зайка мягко настаивала на своем:

— Еще одна стройка? Да никогда в жизни!

Я тоже приходила в ужас, представив себе новый виток разбирательств с рабочими. Но Аркадий и Маша стояли насмерть — поезда мешают им спать, есть, читать и вообще жить. Две недели мы отчаянно ругались. Потом на станции открылся огромный универмаг с отделом игрушек и компьютерных дисков. Маня примолкла. Оставшийся в одиночестве Кеша безнадежно махнул рукой. Через месяц мы поняли, что не слышим больше гула, и успокоились, даже обнаружили много приятного от соседства со станцией. Кешка покупает там газеты и видеокассеты, изредка прихватывая и сигареты. Маня опустошает универмаг. Зайка обожает копаться в мотках с шерстью в лавочке «Ваш досуг». А мне нравится возможность совершать пешие прогулки. Ведь я веду безобразно сидячий образ жизни, даже в булочную езжу на «Вольво». Два километра туда, два километра назад резвым шагом позволяют сохранять фигуру и поддерживать тонус.

Ясное небо радовало глаз, пахло весной и чем-то таким шемящим, знакомым. Ноги бежали быстрее,

спина выпрямилась, ощущение — будто летишь на крыльях.

Впереди послышался звук гудка. Ничего особенно в этом как будто бы нет. Скорые поезда, подъезжая к станции, как правило, захлебываются в коротком «ту-ту», предупреждая возможных автолюбителей и неаккуратных пешеходов. Но этот просто выль тревожным, каким-то безумным звуком. Я взглянула на рельсы. Там, спиной к неотвратно приближающемуся электровозу стояла женщина. Состав летел прямо на несчастную. Машинист, не в силах остановить огромный разогнавшийся товарняк, продолжал истошно сигналить. Однако женщина даже не шевельнулась.

Со всех ног я бросилась кубарем вниз по насыпи. Боже, она, наверное, глухая или сумасшедшая. Но это не основание, чтобы погибать жуткой, мучительной смертью под колесами. Снег лез за воротник куртки, набивался в коротенькие сапожки и превращался тут же в воду. Шапочка слетела на бегу, впрочем, шарфик и перчатки я тоже потеряла. В голове билась только одна мысль: успеть во что бы то ни стало. Тепловоз внезапно стал пугающе огромным, краем сознания я отметила, что машинист кричит, лицо его перекошилось от ужаса. Грязная железная махина с оглушающим ревом покатила мимо, но я в самый последний момент с нечеловеческой силой успела дернуть женщину за безвольно свисавшую руку. Мы повалились в сторону с непонятным чавканьем, будто кули, набитые гнилой картошкой. Сбоку пронесся состав с грохотом, стуком, шипением...

Товарные вагоны проскочили мимо. От станции, проваливаясь в остатки грязного снега, бежали люди. Впереди, размахивая флажком, неслась стрелочница Люся. Мы хорошо знаем ее и отдаем женщине для ее дочери вещи, из каких Маша выросла.

— Дарья Ивановна, — завопила Люся, — господи, вы живы!..

Я обалдело крутила головой. Небо по-прежнему го-

лубое, приятный ветерок касается лица, вдали щебечут веселые, пережившие зиму птички. Природа никак не реагирует на то, что кто-то мог сейчас умереть. Представив себе лужу крови и ошметки человеческого мяса на рельсах, я вздрогнула и посмотрела на спасенную.

Она лежала лицом вниз, широко разметав руки. Юбка задралась, и видно, что у женщины красивые, длинные стройные ноги, одетые в дорогие ботинки из натуральной кожи. О хорошем достатке говорил симпатичный норковый полушубочек, элегантная кожаная шляпка, валявшаяся неподалеку. И пахло от нее не чем-нибудь, а дорогой «Дольче вита» от Диора.

— Шас, шас, — приговаривала Люся, суетливо опирая одежду на лежащей, — вона, уже доктора несутся.

Прямо за универмагом находится подстанция «Скорой помощи». Медики даже не воспользовались машиной, а, прихватив носилки, побежали, услышав про происшествие. С доктором и двумя фельдшерами я тоже знакома, они живут неподалеку, в длинном кирпичном доме, построенном для работников местной птицефабрики. Юрий Анатольевич терапевт, всегда рад подработать, и ложкинские зовут его иногда для оказания нехитрой помощи — помазать летом зеленой детские коленки и царапины. Для других случаев у обитателей коттеджей есть собственные, дорогие врачи, но приветливый Юрий рад и такому приработку.

Женщину аккуратно перевернули на спину. Вокруг толпились любопытные: пара путейских рабочих, бабка, всегда, зимой и летом, торгующая возле шлагбаума семечками, и пара вездесущих подростков. Наверху, там, где пролегла дорожка к станции, сгрудились люди, шедшие на электричку. Вид близкой смерти всегда привлекает зевак, но на этот раз толпа оказалась разочарованной. Доктор безапелляционно заявил:

— Жива, даже не ранена, но в шоке. Кладите ее, ребята, на носилки, в больницу повезем.

Вернее сказать: понесем. Больница тут же, в ста метрах от переезда.

— Дарья Ивановна, — тронул меня за плечо Юрий, — у вас кровь на лице, пойдете с нами.

Я провела рукой по щекам — действительно. Пришлось отправиться с медиками. Ноги стали какими-то тяжелыми, а тело, казалось, весит больше ста килограммов.

В приемном покое меня затрясло. Молоденькая медсестра с сочувствием поднесла мне стаканчик с острой пахнущей коричневой жидкостью.

— Выпейте, успокойтесь.

— Просто замерзла, — пояснила я, стаскивая абсолютно мокрые сапожки. — Можно от вас позвонить домой?

Мне разрешили приблизиться к аппарату.

— Через пятнадцать минут буду, — пообещала Ольга, — только волосы высушу, извини, в ванной сижу.

Потом появился хирург, осмотрел и успокоил. Ничего особенного, слегка разбита губа.

— Небось когда бабенку из-под колес выдергивали, налетели лицом на ее плечо, — предположил доктор, — и расшиблись. Ерунда, из губы всегда море крови выливается.

— Как она? — Я осторожно ощупывала языком зубы.

Так и есть, передний клык, давно не собственный, а просто металлокерамика на штифте, угрожающе покачивался. Понимая, что предстоит визит к стоматологу, я приуныла. Если чего и боюсь, так это бормашины.

— Положили в палату, — врач подошел к раковине.

Нет, все-таки у эскулапов странная манера, мыть руки не до того, как осмотреть больного, а после, словно из брезгливости.

— Знаете ее? — спросил доктор.

Я покачала головой.

— Она в сознании?

— Да, — сказал доктор, — только молчит и не отвечает на вопросы. Шок. Вызвал невропатолога.

Тут дверь распахнулась, и всунулась треугольная мордочка, украшенная крупными круглыми очками.

— Вы спасли женщину? — спросила маленькая, похожая на белку докторица. — Пойдемте со мной. Отчего-то она не желает называть свою фамилию, — сообщила невропатолог. — Надеюсь, увидит вас и разговорится. Спросите имя, адрес... Ну, в общем, паспортные данные.

— Может, ей плохо? — осторожно осведомилась я.

— Да нет, — отмахнулась молоденькая специалистка, — небось боится, что милицию вызовут и за хулиганство накажут. Виданное ли дело, на путях ворон считать...

— Как у нее со слухом? — продолжала интересоваться я, пока мы пешком лезли на четвертый этаж. — И не говорит, и поезда не заметила, вдруг глухонемая?

— Ха, — дернула головой девица, очевидно, только в прошлом году закончившая институт. — Видали мы таких, просто безобразница, хорошо еще, что не пьяная.

Она с размаху открыла дверь и впихнула меня в палату. В крохотной комнатенке три кровати, но больная только одна, та самая спасенная женщина. Сейчас я разглядела, что у нее красивое, как говорят, породистое лицо. Тонкий аристократический нос, аккуратный подбородок, четко очерченный рот и словно нарисованные полукружья бровей. Хороши и волосы, густые, черные, то ли вьющиеся от природы, то ли дама оставила в парикмахерской целое состояние, добываясь такого естественного крупного завитка.

— Как самочувствие? — тихонько поинтересовалась я.

Женщина даже не пошевелинулась, но по слегка дрогнувшим векам я поняла: слышит великолепно, просто не желает вступать в контакт.

— Не имею никакого отношения к милиции. Шла мимо и увидела, как вы стоите на рельсах...

Дама упорно хранила молчание. Странно все-таки.

Полагается хотя бы сказать спасибо, но спасенная жертва, как видно, не собирается выражать благодарность.

— Скажите, как вас зовут? — продолжала я настаивать.

Губы даже не дрогнули.

— Родственники, наверное, волнуются, — решила я подъехать с другой стороны.

Ноль эмоций. Пострадавшая явно нуждается во врачебной помощи, но не девчонки-невропатолога, а классного психиатра. Поняв бесплодность попыток, я вздохнула и пошла к двери.

— Стой, — раздалось за спиной.

Я машинально обернулась на грубый окрик. Прямо мне в лицо глядели огромные, черные, словно лужицы блестящего дегтя, глаза. В них горела прямо-таки фанатичная ненависть. Наверное, с таким выражением люди бросаются под вражеские танки или закрывают собой дуло пулемета.

— Зачем ты меня спасла? — медленно, с расстановкой прошипела дама. — Кто тебя просил?!

Я не нашлась, что ответить.

— Убирайся вон! — срываясь на крик, выпалила безумная. Глаза ее стали еще больше, казалось, в них полыхает пламя.

Я невольно попятилась к двери.

— Вон! — продолжала пострадавшая. — Проклинаю тебя! Влезла со своим сочувствием, чтоб ты сдохла!

Я выскочила в коридор — никого. Надо рассказать доктору, пусть приглядит за ней. Но врач осматривал плачущего ребенка, держащего на весу явно поломанную руку.

— Ладно, ладно, — отмахнулся эскулап, — потом подойду к этой психопатке, а вы езжайте домой, там за вами пришли.

Я вышла во двор и увидела красный «Фольксваген». Ольга выглянула в окно.

— Ну ни на минуту нельзя тебя отпускать, — рассердилась она, — сразу в историю попадаешь, залезай!

Я молча подошла к автомобилю. В голове гудело. Ну кто просил меня вмешиваться! Пожалела дуру! Теперь вот болит рассеченная губа, качается недавно сделанный зуб и полностью испорчено настроение. Женщина явно сумасшедшая и совершенно не способна трезво оценить ситуацию.

— Гляди, гляди, — охнула вдруг Зайка, выскакивая из «Фольксвагена».

Невестка указывала вверх. Я задрала голову. В проеме окна четвертого этажа стояла спасенная мной психопатка. Весенний ветер развевал длинные черные волосы, больничная ночная рубашка надулась колоколом. Женщина посмотрела вниз и быстро-быстро закрестилась.

— Стой, помогите, ловите, — бестолково завопила я.

Самоубийца рассмеялась и шагнула. Окаменев, я смотрела, как тело, страшно изогнувшись, летит вниз.

Отчего-то падало оно целую вечность, словно парило, хотя, наверное, все произошло за пару секунд. Волосы метались, напоминая черные языки пламени, и рвал душу истошный, нечеловеческий крик. Потом раздался сочный шлепок, так падает иногда у нашей кухарки Катерины со стола кусок сырого мяса. Грива кудрей осыпалась на труп, из-под головы потекли блестящие струйки. Вывернутые руки несколько раз дернулись. В повисшей тишине раздались другие звуки. Сначала с легким вздохом рухнула в обморок Зайка, потом меня с бульканьем стало выворачивать наизнанку, прямо возле тела сумасшедшей. Затем ноги подломились. «Только бы не упасть на труп», — подумала я, и сознание отключилось.

ГЛАВА 2

Пришла я в себя оттого, что кто-то сунул мне под нос дурно пахнущую ватку.

— Отойдите, — простонала я, пытаюсь не дышать, — у меня аллергия на нашатырь.

Руки убрались. Я покрутила головой. Справа у окна

сидела на кушетке Зайка. Цветом лица моя невестка сравнялась с кафелем, покрывавшим стены. Впрочем, и врач, и медсестра, и невропатолог выглядели не лучше. Я приподнялась на жестком топчане и с чувством заявила:

— Это вы виноваты. Оставили больную одну, видели же, что ненормальная.

Доктора молчали. Девчонка-невропатолог пошла красными пятнами. «Очень хорошо, — со злостью подумала я, — может, хоть подрастеряешь немного свое удивительное в таком возрасте безразличие. Надеюсь, что родственники погибшей подадут в суд!»

Во дворе что-то залязгало и зашуршало. Ну да, морг здесь рядом, и сейчас санитары укладывали то, что осталось от погибшей женщины, на каталку. Зажурчала вода — дворник смывал кровь. Потом, пообещав приехавшим милиционерам дать завтра исчерпывающие показания, мы с Зайкой влезли в патрульный «рафик». Ложино — не Москва, это небольшой поселок возле птицефабрики, домов сорок-пятьдесят, не больше. Наш коттеджный конгломерат чуть удален от микрорайона из низеньких блочных пятиэтажек. Обитателей комфортабельных особняков из огнеупорного красного кирпича здесь хорошо знают. Их не так много, всего десять семей. Поэтому милиционеры прекрасно понимали, что мы с Зайкой никуда не денемся. Домой нас доставили на «раковой шейке», следом молоденький сержантик подогнал «Фольксваген».

Войдя в гостиную, мы рухнули на диваны. Потом, не сговариваясь, схватились за бутылку с коньяком.

— Ужасно, — пробормотала Зайка, отправляя в рот одним глотком граммов сто пятьдесят благородного «Мартеля». — Как она жутко смеялась, а потом кричала. Ну зачем, зачем сотворила такое?

Я с сомнением посмотрела на большой бокал, налитый до краев. Обычно мне хватает чайной ложки, чтобы съехать с катушек, а тут, наверно, целый стакан. Потом махнула рукой и залпом опустошила емкость.

Ну что можно ответить на Ольгин вопрос? Кто же их разберет, сумасшедших?

На следующий день, часов в двенадцать, я сидела в кабинете следователя и методично отвечала на вопросы. Нет, женщину не знаю. Нет, кинулась вытаскивать ее инстинктивно, повинуюсь порыву. Нет, она показала сумасшедшей. Нет, шагнула в окно сама...

Наконец капитан поинтересовался:

— Имени не назвала?

Устав все время говорить «нет», я просто покачала головой.

— Ладно, — вздохнул мужчина и протянул листок, — подпишите каждую страницу, вот тут, где «записано с моих слов...».

Я выполнила требуемое и поинтересовалась:

— Что теперь будет?

— А что прикажете делать? — недовольно буркнул капитан. — Оформим как неизвестную.

— Дальше-то как? — настаивала я.

— Никак, — совсем обозлился милиционер, — фото загрузим в компьютер. Кто заявит о пропаже, пусть приходит.

— И сколько труп пролежит в хранилище непогребенным? — вздрогнула я.

— По закону — месяц, — спокойно ответил капитан, — потом похоронят за госсчет.

— Вдруг она из другого города, или родственники у нее престарелые, может, наоборот, ребенок есть, — настаивала я.

Милиционер заглянул в бумагу.

— Да, патологоанатом пишет, что гражданка рожала, а лет ей около тридцати.

— Вот видите, — горячилась я, — ребенок маму ждет. Он же небось маленький, даже если она в шестнадцать лет родила — ему только четырнадцать.

— Чего вы хотите, не пойму никак? — удивился мент.

— Ну, заведите дело, попробуйте установить личность...

— Слушайте, дама, — выверился капитан, — знаете, сколько на мне дел висит? Вроде маленький поселок, а народ словно с ума сошел. Ножами режется, скорородками бьется. Позавчера машину у аптеки подорвали... Рук не хватает. Здесь же все ясно: психопатка, сначала пыталась под поезд броситься, потом из окна прыгнула. Сама, никто не заставлял!..

— Хоть имя установите.

— Вы свободны, — каменным голосом отчеканил следователь и добавил чуть помягче: — В больницу загляните, там ваш сотовый нашли.

Идти недалеко, всего лишь через площадь, и я через минуту вошла в знакомый двор. Здесь ничто не напоминало о трагедии. Медсестра в приемном покое протянула мобильный. Я потыкала в кнопки — молчание. Или села батарейка, или сломался, провалявшись ночь на улице в снегу.

Домой идти не хотелось. Решив слегка отвлечься, двинулась в сторону универсама: потолкаюсь среди продавцов, накуплю ненужных вещей...

— Дарья Ивановна, — окликнула стрелочница Люся, — погодьте, сумочку отдам.

— Какую сумочку? — удивилась я.

Терпеть не могу сумок и чаще всего таскаю самое необходимое в кармане. Но Люся уже протягивала маленький планшетик на длинном ремне.

— Путьцы обход делали и в аккурат на месте происшествия нашли, — сообщила стрелочница, — я сразу поняла, что это вы потеряли, когда к этой психопатке побежали. Вещичка-то дорогая, не ширпотреб.

Я молча взяла прямоугольник. Нет, у меня никогда ничего подобного не было, скорей всего штучка принадлежит покойной. Отнесу следователю. Вероятно, там найдутся документы.

— Ужас жуткий, — тарахтела болтушка Люся, — страсть господняя. Прошлым летом здесь мужика убило, пьяного. Сошел с электрички и лег вон там, у столбика, спать. Во сне, видно, и скатился с насыпи, да прямо под скорый угодил. А три года назад Катька под дре-

зину попала, но жива осталась... правда, по мне, так лучше б ее убило. Ноги ей отрезало. Ни жить, ни помереть.

И она зашмыгала носом. Я вежливо слушала, поджидая, пока иссякнет фонтан воспоминаний. По-хорошему, следовало сразу уйти, но тогда Люся обидится, а мне не хочется этого. Она славная, несчастная женщина, вытаскивающая на своих плечах мужа-алкоголика и двоих детей-школьников.

— А я ее видела, — переменяла стрелочница тему.

— Кого?

— Ну, эту сумасшедшую, что с собой покончила!

— Где?

— Да тут, у нас, на станции. В начале марта появилась, в продуктовый захаживала. Думаю, из санатория.

Я поглядела направо. Там, на пригорке, примерно в километре от станции расположился Дом творчества писателей, упорно называемый местными жителями санаторием. Была там раз-другой у знакомых. Номера хорошие, с просторными комнатами и комфортабельными ванными, телевизор, телефон, холодильник... Но вот кормят отвратительно, бесконечными люля-кебабами и харчо, потому-то литераторы — частые гости местных торговых точек. В толпе их сразу видно — дамы независимо от возраста все как одна засунуты в белые брюки и увешаны невероятными драгоценностями — янтарными бусами, серьгами с пудовыми уральскими самоцветами, серебряными браслетами и цепочками. Мужчины поголовно в джинсах и жилетках. Издали они похожи на престарелых подростков. Но если покойница и впрямь из этой тусовки, то в администрации должны иметься ее паспортные данные. Не говоря уже о том, что там небось полно женщин, знающих про несчастную всю подноготную.

Обрадовавшись, я понеслась назад, к следователю. Но возле стола капитана сидела зареванная бабища.

— Подождите, — недовольно сказал он мне.

Я послушно села в коридоре и открыла сумочку.

Там не было ничего: ни паспорта, ни косметики, ни кошелька, даже носового платочка или расчески. Только небольшой, аккуратно сложенный лист бумаги. Руки сами собой его развернули.

«Коля, больше не могу. Знай, я больше не повинуюсь тебе, считай, что сбросила оковы. Понимаю, молить о сострадании глупо, но не пробуй искать Верочку. Да, ты прав, моя дочь жива, но тебе никогда, слышишь, никогда, не достать ее. Пусть лучше она умрет голодной смертью, что скорей всего и произойдет после моей кончины, девочку просто некому будет кормить, она заперта одна. Так что сжался, оставь ее погибать своей смертью, только не уродуй, как меня. Но, если не послушаешься и начнешь поиски, знай — вернусь с того света, чтобы отомстить тебе. Мне нечего терять, руки и так по локоть в крови невинных жертв.

Прощай! Лена, Костя, Жора, простите меня, не хотела вас убивать».

Ни подписи, ни числа. Я обалдело смотрела на листок, исписанный аккуратным, почти детским почерком. Так пишут девочки-отличницы, гордость школы, мамина отрада. Только содержание записки вызывает дрожь.

Дверь кабинета приоткрылась, всхлипывающая тетка, громко шаркая разношенными сапогами, двинулась к выходу.

— Ну, что еще? — проворчал капитан.

Я молча положила перед ним сумку. Следователь принялся изучать письмо, потом вздохнул и спросил:

— И что?

— Люся, стрелочница, нашла и отдала мне.

— Бред сумасшедшего. — Капитан вытащил «Мальборо».

Дорогое курево для простого сотрудника МВД.

— Еще Люся вспомнила, будто видела погибшую неоднократно на станции, — настаивала я.

— Одна баба сказала, другая подхватила, — безнадежно прокомментировал мент, — тоже мне свидетельские показания!

— Послушайте, — перешла я на крик, — как вам не стыдно! Вы же прочитали эту жуткую предсмертную записку. Скорей всего за самоубийством стоит что-то страшное, какие-то смерти, преступления... Да и девочка осталась одна, Вера...

Капитан вытянул левую руку, щелкнул рычажком чайничка «Тефаль»:

— Во-первых, не орите. А во-вторых, кто сказал, что письмо написала самоубийца: ни подписи, ни числа... Тут рядом писатели проживают, кто-нибудь рукопись и посеял...

Я глядела на этого монстра из правоохранительных органов открыв рот. Капитан рассуждал дальше:

— Сумочка там могла давно валяться...

Я ткнула пальцем в почти не поврежденную дорожную кожу.

— Да она в полном порядке, представляете, что было бы с ней через неделю?

Капитан хлопнул ладонью по столу. Пачка папочек подскочила и шлепнулась на место, подняв пыль.

— Во, — выверился мент, — глядите, сколько дел. Между прочим, возбуждено дознание по факту шагания из окна, а не прыганья под поезд, — такого дела нет. А в открытом деле все ясно, сама совершила суицид. Так что уже его и закрыл. Нужна родственникам — начнут искать. Нечего тут вопить и меня виновать...

Онемев, я слушала его неграмотную, корявую речь. Сразу и не понять, что сей Цицерон пытался сказать. Ясно одно — больше всего ему хочется спихнуть с глаз долой неожиданную доuku. И никакого расследования проводить не станут, через месяц оформят неопознанный труп к погребению, и все... финита ля комедия.

Капитан невозмутимо курил. Я взяла со стола сумочку и пошла к двери.

— Эй, эй, верните вещественное доказательство! — засуетился следователь.

— Зачем оно вам? — с вызовом спросила я.

— Порядок надо соблюдать, — неожиданно заявил капитан.

Смотрите, какой законник! Небось решил сумочку жене презентовать! Ну уж нет!

— Это моя вещь, — нагло заявила я, — потеряла, когда несчастную из-под поезда выталкивала. Станете отбирать, живо свидетелей приведу!

— Ну и вали отсюда, — рявкнул капитан.

Я молча вышла в коридор и со всего размахухватила дверь о косяк. Тоненько задрожали стекла. Нет, все-таки ужасно, что в милиции работают подобные субъекты!

На улице ярко светило солнце. Площадь весело гомонила, радуясь наконец наступившей весне. Две маленькие дворовые собачки, тихонько повизгивая, осуществляли у забора процесс продолжения рода. Никому нет дела до трагически погибшей женщины. Нет, она не сумасшедшая. Такое письмо мог написать только доведенный до крайности человек. Кто такой Коля? Где искать Веру? Почему предсмертная записка оказалась в сумочке? Взяла с собой? Но как она рассчитывала передать ее адресату? Ни телефона неизвестного Николая, ни фамилии. И впрямь подумаешь, будто страничка из какого-то детектива...

В Ложкине мы живем уже несколько лет. С тех самых пор, когда неожиданно для себя превратились в «новых русских». Только не подумайте, что состоим в какой-нибудь криминальной группировке или озолотились, незаконно торгуя энергоресурсами. Все намного проще и интересней.

Долгие годы я и моя подруга Наташа жили в малюсенькой двухкомнатной «хрущобе». Преподавали обе французский язык в богом забытом институте, бегали по частным урокам и пытались совместными усилиями поставить на ноги двоих детей — Аркадия и Машу. Денег не хватало всегда — в холодильнике часто звенели пустые полки. И мои, и Наташкины родственники давно приказали долго жить, помощи ждать неоткуда. К тому же бывший Наташкин супруг ухитрился